

Аброськина Е.В.

МЕЖДУ МОЛОТОМ И СЕРПОМ: СУДЬБА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ
КОРЕЙЦЕВ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ В 1937 г.*

Аброськина, Евгения Вячеславовна — магистр музеологии, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Россия, Москва, evgeniia.abroskina@gmail.com.

Статья посвящена изучению архивных материалов Российского этнографического музея о подготовке экспозиции, репрезентирующей культуру корейцев Еврейской автономной области, которая должна была войти в состав выставки «Евреи в царской России и в СССР». Автор рассматривает процесс сбора материалов для экспозиции во время Биробиджанской экспедиции в Еврейскую автономную область, а также подробно реконструирует и анализирует проект экспозиции. Экспозиция должна была показать непростую судьбу корейского народа в царской России, позитивные изменения в культуре и быте корейцев при советской власти, в то же время отобразить сохранившиеся у современных корейцев культурные «пережитки». Корейская культура, в отличие от культуры евреев-колонизаторов или тунгусо-маньчжурских народов, занимала в экспозиции лиминальное положение: ее планировали показывать как не до конца советизированную, все еще обладающую примитивными формами ведения хозяйства и пережитками. Несмотря на собранные в экспедиции материалы и разработанный проект, сегмент, посвященный корейцам, был изъят в связи с приказом о депортации корейского населения Дальнего Востока в Среднюю Азию в 1937 г. Автор статьи анализирует эти события как один из примеров вмешательства государства в музейное пространство в СССР.

Ключевые слова: Российский этнографический музей, корейская культура, Еврейская автономная область, этнография, депортация.

BETWEEN THE HAMMER AND THE SICKLE: THE FATE OF THE
REPRESENTATION OF THE CULTURE OF KOREANS IN THE JEWISH
AUTONOMOUS REGION IN THE STATE MUSEUM OF ETHNOGRAPHY IN 1937

Abroskina, Evgeniia Vyacheslavovna — Master of Arts (in Museology), the Research Fellow, the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, evgeniia.abroskina@gmail.com.

The article is devoted to the study of archival materials of the Russian Ethnographic Museum on the preparation of an exposition dedicated to the culture of Koreans in the Jewish Autonomous Region, which was to be part of the exhibition “Jews in Tsarist Russia and the USSR”. The author examines the process of collecting materials for the exposition during the Birobidzhan expedition to the Jewish Autonomous Region, and also reconstructs and analyzes the exposition project in detail. The exposition was supposed to show the difficult fate of the Korean people in tsarist Russia, the positive changes in the culture and life of Koreans under

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 18–18–00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.»).

Soviet rule, at the same time reflecting the cultural “vestiges” of modern Koreans. Korean culture, in contrast to the culture of the Jewish colonialists or the Tungus-Manchu peoples, occupied a liminal position in the exposition: it was planned to show it as not fully Sovietized, still possessing primitive forms of economic management and vestiges. Despite the materials collected during the expedition and the developed project, the segment devoted to Korean culture was withdrawn in connection with the order to deport the Korean population of the Far East to Central Asia in 1937. The author of the article analyzes these events as one of the examples of state intervention in the museum space in the USSR.

Key words: Russian Ethnographic Museum, Korean culture, Jewish Autonomous Region, ethnography, deportation.

Начиная с 1934 г. Государственный музей этнографии (далее—ГМЭ) готовил масштабный проект—выставку «Евреи в царской России и в СССР». Она должна была не только проиллюстрировать, как изменилась в лучшую сторону жизнь евреев в Советском союзе, но и стать рупором агитации: необходимо было привлекать внимание к созданию Еврейской автономной области (далее—ЕАО) на Дальнем Востоке. Освещая быт ЕАО—очередного социалистического проекта новой власти—экспозиционеры не могли проигнорировать проживавшие на данной и соседних территориях различные этнические группы: русских (прежде всего, амурских казаков), китайцев, тунгусо-маньчжурские народы (в частности, эвенков) и корейцев.

Проникновение корейцев на данные территории было связано с засухой и голодом в Корее в 1860-е гг. Некоторые российские губернаторы при царской власти поощряли переселенцев земельными наделами, экономическими субсидиями и даже гражданством Российской империи¹. К 1910 г. более пятидесяти тысяч корейцев населяли более ста деревень, где они занимались рисоводством и шелководством. Потомки первых иммигрантов основали колонии под Омском, Тобольском и Тюменью. Завоевание Кореи японцами в 1905 и 1910 гг. стимулировало продолжающийся приток корейцев в Россию, а подавление борьбы за независимость в 1919 г. вызвало новый всплеск². Отношение корейских поселенцев к большевизму нельзя назвать однозначным, среди них были и те, кто выступал на стороне белого движения, однако, большая часть населения воспринимала большевиков если не как друзей, то как врагов своего врага—Японии, аннексировавшей к тому моменту территорию Кореи. Отношения с Японией были краеугольным камнем «корейского вопроса» в СССР. Несмотря на лояльность корейского населения, советская власть относилась к нему с подозрением. Как пишет М. Гелб: «еще на Приморской губернской партийной конференции 1923 года один коммунист выступал за депортацию корейцев как “авантюристов и мошенников”; секретарь обкома Пшеницын предупредил о наличии среди них “японофилов”; а Дальневосточное бюро Центрального комитета (ЦК) фактически приняло решение “переселить всех корейцев из Приморья либо в Японию, либо в Приамурье и Забайкалье”. Не менее семисот корейцев, в основном рабочих, были депортированы в Японию»³. В то же время, важно отметить, что корейские крестьяне были по большей части безземельными, это вынуждало их арендовать земли

¹ Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review. 1995. Vol. 54. № 3. P. 392.

² С 1917 по 1922 г. количество семей выросло с менее 10 000 до более 18 000. К 1925 г., когда почти все приняли советское гражданство, в основных населенных пунктах 90 000 корейцев составляли чуть менее четверти населения, а в некоторых районах— почти половину.

³ Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans. P. 394.

у более зажиточных корейцев или русских. Поэтому начало коллективизации многие корейцы восприняли позитивно, чем расположили к себе советскую власть.

Таким образом, в силу своего широкого распространения и уже длительного проживания на территории Дальнего Востока, корейцы привлекали к себе внимание авторов упомянутой выставки: заведующий еврейским сектором Государственного музея этнографии И.М. Пульнер считал важным отразить в экспозиции «интернациональное единение трудящихся разных наций»⁴. Действительно, весьма логичным представлялся показ социальных контактов евреев-переселенцев с местными этническими группами. Для сбора этнографического и статистического материала было необходимо организовать экспедицию в ЕАО, поскольку имеющиеся у сектора коллекции не могли полностью охватить все идеи масштабного проекта выставки.

Экспедиция

Экспедиция ГМЭ в ЕАО была проведена в период с 10 апреля по 1 августа 1937 г. Изначально руководить ею должен был директор музея Н.Г. Таланов, однако, «за несколько дней до отправки экспедиции начальником ее был утвержден Наркомпросом тов. Соловей»⁵. Также в состав экспедиции вошли В.В. Романовская, Д.М. Позднеев и И.М. Пульнер. Таким был состав первой партии экспедиции, «вслед за которой через некоторое время должна была быть направлена вторая партия в составе одного художника и 2 этнографов»⁶. Однако, внешние события изменили ход экспедиции: вторая партия не была отправлена, приехал лишь художник Г.Н. Траугот, а сама экспедиция была отозвана в Ленинград раньше срока: «Выполнить полностью намеченный план работ не удалось по ряду вышеуказанных причин (не прибытие второй партии экспедиции и др.), а также вследствие досрочного отзыва экспедиции в Ленинград (телеграммы от 21/VI, 6/VII)»⁷.

Участники экспедиции поделили между собой «сферы влияния»: востоковед Д.М. Позднеев занимался изучением корейцев и китайцев региона, этнограф И.М. Пульнер был сосредоточен на сборе информации о евреях ЕАО, а В.В. Романовской было разрешено работать вне пределов области, прежде всего у эвенков. Руководитель экспедиции Д.А. Соловей занимался изучением русских в ЕАО. Исследователи собрали много статистической информации, а также биографических историй «первопроходцев» ЕАО. Что касается музейных предметов, «то таковые собраны только по корейцам»⁸. Эти предметы в дальнейшем составили коллекцию № 5998⁹, они же должны были быть представлены на экспозиции.

Экспозиционерами были подготовлены материалы, которые должны были впоследствии лечь в основу тематико-экспозиционного плана и путеводителя по выставке. Однако, проект корейского сегмента в еврейской экспозиции так и не был реализован.

Уже 21 августа 1937 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 1428–326сс «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края»:

⁴ *Иванов А.* «Евреи в царской России и в СССР» — выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов // Новое литературное обозрение. 2010. № 2. <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/evrei-v-czarskoj-rossii-i-v-sssr-vystavka-dostizhenij-evrejskogo-hozyajstvennogo-i-kulturnogo-stroitelstva-v-strane-sovetov.html> (ссылка последний раз проверялась 16.11.2020).

⁵ Архив Российского этнографического музея (Далее — АРЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 598. Л. 77.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 80.

⁸ Там же. Л. 81.

⁹ На сегодняшний день предметов в коллекции 273.

«В целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край <...> выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного края»¹⁰. В сентябре началась массовая депортация корейцев в Среднюю Азию. В октябре был арестован и расстрелян участник и консулат Биробиджанской экспедиции, востоковед Д.М. Позднеев. Все, что было связано с «присутствием» корейцев в ЕАО должно было быть изъято из проекта экспозиции: «В отзыве Центрального совета ОЗЕТА [Общества землеустройства еврейских трудящихся — Е.А.] на «Проект (план) экспозиции ЕАО» от 13 декабря 1937 г., составленном по поручению его председателя С.М. Диманштейна, содержалась строгая директива: “Все, что приведено в разных отделах касательно вселения в область корейцев и развития их хозяйства и быта, исключить”»¹¹.

Материалы по «корейской экспозиции» оказались в архиве музея, а предметы из корейской коллекции никогда не выставлялись с тем размахом, какой представляли себе в 1937 г. экспозиционеры. Несмотря на то, что экспозиция не состоялась, нам кажется важным реконструировать проект корейского сегмента экспозиции. Он, с одной стороны, мало отличается от подобных ему — экспозиций конца 1930-х гг., с другой стороны, представляет собой уникальный случай рокового вмешательства политических сил в экспозиционное пространство, трансформирующего его, изымающего из него целые «неудобные» сегменты, лишаящего «голосов» этнические группы, отправляющего обратно в фонды политически «неблагонадежные» музейные экспонаты. Нам представляется важным освещать такие сюжеты музейной истории, т.к. и по сегодняшний день вопрос переселенных, депортированных народов остается замалчиваемым, а на экспозициях этнографических музеев отсутствуют «нежелательные элементы», такие как немцы Поволжья или корейцы Амура.

Показ

Экспозиция должна была состоять из нескольких разделов, которые в свою очередь были включены в сегменты выставки «Евреи». По классической для 1930-х гг. схеме экспозиция должна была начинаться вводным разделом, в котором были представлены карты и фотографии. Важным было показать, откуда корейцы появились на данных территориях, это делалось при помощи карты «мест выхода корейцев в Ев. А.О.». Также были представлены фотографии местностей и типов. Освещая советский период, экспозиционеры поместили карту колхозов и фотографию железной дороги, на которой был изображен орденоносец-стрелочник «Хан на ст.[анции] Ин». Этот небольшой элемент имел важное значение: железная дорога была одним из элементов прогрессивности, мобильности и инклюзии данной территории, которую экспозиционерам важно было подчеркнуть в микро и макромасштабах: «панорама ЕАО не могла обойтись без таких знаков принадлежности к железнодорожной магистрали “мирового значения”, как вокзал и поезд»¹². Также давалась информация о том, где занято корейское население: а) колхозники (9 колхозов, 2 030 чел.), б) «рабочие по кирпичу» (1 артель, 1 завод; 450 чел.), в) разные профессии (330 чел.).

¹⁰ Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 1428–326сс «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края». См. по адресу: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1021140> (ссылка последний раз проверялась 16.11.2020).

¹¹ Иванов А. «Евреи в царской России и в СССР» — выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов. См. по адресу: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/evrei-v-czarской-rossii-i-v-sssr-vystavka-dostizhenij-evrejskogo-hozyajstvennogo-i-kulturnogo-stroitelstva-v-strane-sovetov.html> (ссылка последний раз проверялась 16.11.2020).

¹² Там же.

Во вводном же разделе должна была быть размещена картина (шириной в 1 м и с произвольной высотой), посвященная показу «гнета царского режима»: «Изображается момент посадки корейцев переселенцев на пристани оз. Ханка. Убогая пристань. Несколько шаланд на озере. Одна партия корейцев уже вошла в шаланду, другая готовится к посадке в другую шаланду. По дороге вдоль реки тянется по тропе и тайге беспорядочная толпа корейцев. Мужчины тащат на себе домашнюю утварь, с/х орудия, мешки с зерном, продовольствие. Женщины несут за плечами маленьких детей и на голове тяжести. Вокруг много собак корейской породы, сопровождающие толпу переселенцев. Молодые корейцы — корейки ведут под руки стариков. На пристани и в тайге корейцев сопровождают городовые казаки — с нагайками и шашками и солдаты. Они подгоняют изможденных и усталых корейцев ударами плетей. Усталый старик упал. Едет телега, нагруженная иконами, церковной утварью, в ней сидит возница-кореец в лохмотьях. Некоторые корейцы озлобленного вида, большинство тупо-равнодушны к окружающему»¹³. По иронии судьбы, описанная экспозиционером картина спустя короткий срок стала реальностью, с той разницей, что «гнет царского режима» был заменен на «переселение в целях пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК». Как описывал свидетель корейской депортации в Казахстан: «Они привезли корейцев на грузовиках, оставив их среди засохших кустов верблюжьей колючки и тамариска. Лишенные каких-либо удобств и чувства собственного достоинства, люди в белых халатах и серых стеганых куртках хватались за сапоги водителей и милиционеров, умоляя, чтобы их увезли в населенные места, потому что на морозе и ветру, без очага и крыши, маленькие дети и старики умрут, и даже подростки вряд ли протянут»¹⁴.

Важной частью экспозиции должен был стать раздел с археологическими находками. Щит с монетами и черепками сопровождался экспликациями. В «Материалах» данный раздел представляет собой не столько подготовленный для экспозиции специальный текст, сколько этнографические заметки из экспедиции. Так, автор (скорее всего Д.М. Позднеев) пишет: «На территорию Евао с древних времен проникали из Маньчжурии китайцы. В к/х Урмиец на р. Урми мне пришлось слышать предание о том, что эта местность была заселена когда-то довольно густо, но потом здесь вспыхнула эпидемия черной оспы, отчего население частично вымерло, частично разбежалось. По словам колхозников у них на огородах и полях часто попадаются черепки и китайские медные монеты (чохи). Тоже и на кладбище в поселке Смидович, (ст. Ин). Колхозники убеждены, что это древнее население было китайским. Проезжая через с. Нагибово с Д.А. Соловьевом мы услышали от колхозников М.И. Овериной и брата ее П.И. Шемякина, что в половине июня 1937 г. рабочие, роя песок для засыпки дороги и моста в 5 км. от Нагибова, нашли несколько старых предметов и монет и передали их в Сельсовет. Я просил Тов. Шемякина взять эти вещи и обещал приехать специально для ознакомления с ними. 5 июля 1937 г. я прибыл вторично в Нагибово и здесь получил от Сельсовета для Музея через П.И. Шемякина: 1) 1 глиняный сосуд; 2) медное шишковатое кольцо типа набалдашника для булавы и 3) несколько китайских чохов»¹⁵. Эти и прочие находки, о которых идет речь в тексте, должны были быть представлены в витрине раздела.

Переходя от археологии к статистике и демографии, экспозиционеры демонстрировали в цифрах динамику роста корейского населения и его численный состав (на 1937 г.

¹³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 661. Л. 2–2 об.

¹⁴ Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans. P. 401.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 661. Л. 3.

корейцев в регионе было около 6 500–7 000 чел.). Следующий большой раздел экспозиции посвящен досоветскому периоду в жизни корейцев ЕАО. Он разделен на несколько секций. Первая из них — «Источники наживы корейских кулаков». Борьба с кулаками — неотъемлемый элемент советской экспозиции. Главным источником «наживы» экспозиционеры посчитали опиум, немаловажное значение в этом незаконном обогащении имели корейско-китайские связи: «Переселенные в с. Благословенное корейцы быстро здесь акклиматизировались и завязали сношения с замурскими китайскими кулаками. Правый берег Амура в то время также был заселен слабо, и заброшенность корейцев на левом и китайцев на правом берегу р. Амура способствовала сближению их кулачешких элементов. Корейцы хорошо знали, что в Маньчжурии имеет выгодный сбыт опиум, а у китайцев в начале XX века были воспрещены посевы мака и выделка опиума. В силу этого китайцы перенесли посевы мака на русский берег Амура, частью арендуя корейские земли, частью, обучая культуре мака корейцев. В обмен на опиум китайцы доставляли корейцам хлеб, мануфактуру, ружья, порох, свинец и ханшин /водка/. От торговли опиумом корейские кулаки сильно богатели»¹⁶. «Результат» такой торговли иллюстрировал манекен корейца, употребляющего опиум: «Он одет грязно, истощенный больно, лежит на полу на циновке с деревянной подушкой под головой, с трубкой в зубах и лампочкой возле себя»¹⁷ и манекен корейца, упаковывающего опиум в тюк для отправки через границу. Описание истощенного и больного корейца дает пищу для размышлений о передаче телесности через манекен: видимо, для конкретной сцены было необходимо изготовить новую фигуру в характерной позе и одеть ее в соответствующую одежду: со следами бытования или с искусственно созданными следами. Эта отталкивающая внешность манекена должна была играть свою роль в советской борьбе с употреблением алкогольных и наркотических веществ.

Другой «формой» опиума экспозиционеры, вслед за Карлом Марксом, называли религию: пятый раздел экспозиции назывался «Религия — опиум народа». Эта часть должна была презентовать следующие идеи: «Переселенные в с. Благословенное корейцы предварительно были обращены царским правительством в христианство, не оказавшее, впрочем на них никакого внутреннего влияния. Соблюдались лишь обряды, содержалось за счет корейцев духовенство и в с. Благословенном была построена церковь. Попы дружили с кулаками и обирали бедных корейцев»¹⁸. Иллюстрацией к данной теме выступала обстановочная сцена «Поп и кулак-кореец за выпивкой в праздник пасхи. Богато убранный стол. Дьякон укладывает в мешки: кулич, яйца, живность, зерно, разложенные на столе. Корейка отдает новые приношения»¹⁹. В этой сцене экспозиционеры хотели показать целый спектр проблем у корейцев досоветского периода: это и «навязанная» религия, и незаконное обогащение кулаков, и непотребное поведение русского православного попа. Отсутствие этнической характеристики у манекена священнослужителя наводит на мысль, что его хотели показать русским, как и большинство других православных-миссионеров. Таким образом, можно было укрепить посетителей в мыслях, что православие было для корейцев чуждым и тягостным.

Шестой раздел экспозиции отражал тему земледелия у современных корейцев. Он должен был быть включен в тринадцатый подраздел экспозиции «Евреи» — «Колхозное

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же.

и совхозное строительство в ЕАО»²⁰. «Возделывание рисового поля» было представлено панно, на котором изображался полевой стан: в центре панно должен был быть нарисован передвижной вагон на колесах с кухней, столовой и красным уголком. «Хорошо бы нарисовать так, чтобы внутренность вагона была видна»²¹, пишет автор материалов. У вагона на щите висит посевной номер стенгазеты. Подле вагона изображен трактор, который чинят или чистят, а второй трактор вспахивает поле под поздний посев риса. Возле вагона сложены сельскохозяйственные орудия, а на переднем плане «черное готовое под посев поле»²². На нем проведены канавки, наполненные водой. В них кореец «в европейском рабочем костюме, босой, садит рис, другой — позади его исправляет узкие борозды, отделяющие посевные канавки одну от другой»²³. Женщина с ребенком на спине и с глиняным сосудом с водой на голове принесла корейцам газеты: корейскую «Авангард» и русскую «Сталинский ударник». Помимо панно должны были быть представлены также сами сельскохозяйственные орудия, а в витрине — размещены образцы возделываемых в ЕАО культур. Несмотря на то, что эта часть должна была рассказывать о корейской культуре, важно было подчеркнуть первопричину ее показа — создание ЕАО. Так, в этой же части экспозиции был размещен акт о даровании права колхозу «Труд» на вечное владение землей с текстом на еврейском (!) и русском языках.

Тему земледелия, в частности посева периллы, раскрывала и обстановочная сцена, представлявшая собой отрезок подготовленного поля, на котором «лошадь тащит соху с корейцем пахарем»²⁴. За сохой идет другой кореец, «имеющий под левой мышкой тыквенную сеялку; в правой же руке он держит палочку, длиною около полуметра, которою постукивает по желобу сеялки легкими ударами, и таким образом заставляет чрезвычайно мелкие зерна периллы падать в борозду, проложенную сохой»²⁵. По задумке экспозиционеров «пахарь и сеятель могут быть одеты в рабочие русские или корейские костюмы, они босые, на головах широкие соломенные шляпы или у одного — поуже. Лошадь исправная, упряжь — ременная, но самая несложная: хомут и шлея. За сценой на стене можно повесить плакат о перилле, поставить запасные сеялки, а также плетенку для давления масла из периллы»²⁶. В отличие от описанного выше панно, которое иллюстрировало использование передовой техники — тракторов, наличие вагона с кухней, столовой и красным уголком, эта сцена показывала несколько другую форму реальности. Она свидетельствовала о том, как примитивно еще сельское хозяйство местных корейцев, которые продолжают пахать сохой и пользоваться «самой несложной» ременной упряжью. Трудно предположить для чего экспозиционеры хотели создать такой смысловой разрыв между панно и сценой. Возможно, что он ими не прослеживался, поскольку эти материалы были лишь прототипом будущего ТЭПа. Однако, позволим себе предположить, что привести ту и другую иллюстрацию к одному знаменателю помешали экспонаты, из которых была собрана сцена. Возможно, что нехватка предметов, которые могли бы

²⁰ *Иванов А.* «Евреи в царской России и в СССР» — выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов См. по адресу: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/evrei-v-czarskoj-rossii-i-v-sssr-vystavka-dostizhenij-evrejskogo-hozyajstvennogo-i-kulturnogo-stroitelstva-v-strane-sovetov.html> (ссылка последний раз проверялась 16.11.2020).

²¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 661. Л. 6.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 7.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

показать технический прогресс, привела к подобному эффекту. Нашему аргументу может противоречить только формулировка самих экспозиционеров касательно упряжи: «ременная, но самая несложная». В описании сцены при упоминании о шлее и хомуте отсутствуют ссылки на предметы из коллекции (в отличие от других случаев: например, соха, сеялка, шляпы упоминаются под коллекционными номерами), а в самой коллекции отсутствуют подобные предметы. Предполагаем, что в данном случае идея показать как можно более простую форму упряжи была первичнее, нежели предметы. В то же время весь быт корейцев ЕАО показан как постоянное удерживание баланса между презентацией передовых еврейских «первопроходцев» и более культурно отсталых «туземцев» в лице тунгусо-маньчжурских народов. Корейцы занимали место посередине: они обладали своей культурой, но культура эта была «самая несложная», к тому же отягощенная всякого рода «пережитками». Построенная по эволюционному принципу экспозиция при переходе к современности свидетельствовала: «Современный корейский быт представляет собою причудливую смесь отживающих старых форм с новыми культурными. Сохранилось, однако, еще немало старины, иногда вредной в гигиеническом и санитарном отношении, с которой советские административные учреждения и корейские прогрессивные общественные организации борются всеми мерами»²⁷.

В качестве вредных пережитков были выделены: разведение культуры проса чумидзы («совершенно непитательной», ее следовало заменить пшеницей); устройство в домах канов, т.е. постоянно отапливаемых лежанок, «на которых спят, едят, работают, с согнутыми ногами, в повышенной температуре и на которые входить в обуви воспрещается»; наличие в домах глинобитных полов, («чрезвычайно негигиеничных и вредных для здоровья»); обычай женщин носить ребенка на спине («в очень неудобной позе с подогнутыми ногами и постоянно колеблющейся головой»); обычай среди корейнок носить на голове тяжести («безусловно вредный для умственного развития»); приниженное положение жены и вообще женщины («которые не допускаются к мужскому столу, не имеют права открыто говорить в мужском обществе и т.п.»). Пережитки должны были быть показаны через гендерную призму: показ угнетения женщин и их бесправного положения являлся универсальной формулой советской пропаганды. На экспозиции должны были быть представлены манекен женщины с ребенком за спиной и с тяжелой ношей на голове, а также сцена «Старуха у очага из ведра».

Выделенные авторами экспозиции «пережитки» в общей своей массе касаются вопроса советской биополитики — контроля над телом, его дисциплинирования при помощи упорядоченных норм гигиены. Телесность корейских манекенов, иллюстрирующих употребление опиума или «нездоровое» ношение ребенка за спиной и груза на голове, противопоставлялась телесности, отраженной в еврейской части экспозиции, показывающей советский период. «Первопроходцы» не могли быть физически хилыми или морально неустойчивыми, ведь экспозиция занималась не только презентацией социалистического проекта ЕАО, но и агитацией. Необходимо было показать, что это «страна со здоровым климатом и развивающейся хозяйственной жизнью», где «можно для физически здоровых людей найти трудовой заработок»²⁸. Таким образом, корейский сегмент

²⁷ Там же. Л. 8.

²⁸ Цит. по: *Иванов А.* «Евреи в царской России и в СССР» — выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов. См. по адресу: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/evrei-v-czarskoj-rossii-i-v-sssr-vystavka-dostizhenij-evrejskogo-hozyajstvennogo-i-kulturnogo-stroitelstva-v-strane-sovetov.html> (ссылка последний раз проверялась 16.11.2020).

экспозиции как бы оттенял еврейский: несмотря на распространение нового социалистического образа жизни, еще совсем недавно среди корейцев были кулаки, опиумные наркоманы, попы и угнетенные, малообразованные люди, а пережитки прошлого и по сей день встречаются у них.

Завершаться корейская экспозиция должна была разделом о культурном строительстве: «Отличительной чертой современной корейской жизни в ЕвАО является почти поголовное стремление молодежи к учебе, к новому быту, к городской жизни, к европеизму. Старики всеми мерами поддерживают это стремление, и нередки случаи, когда старики, дети которых не желают учиться, поддерживают материально своих дальних родственников или совсем чужих юношей обоего пола, желающих учиться и пролагать себе путь к культурной жизни»²⁹. Стремление к новой жизни передавалось через таблицы (число корейских и смешанных школ, количество учеников), а также макеты: «В центре гимнастическая площадка: а) игра в волейбол, б) трапеция, в) канат для лазания, г) качающийся шест для хождения, д) кобыла для вспрыгивания. Вокруг площадки: 1. школа, обсаженная деревьями, 2. деткомната, 3. ясли, 4. амбулаторий, 5. клуб и красный уголок. Повсюду играют дети и молодежь разных возрастов»³⁰. Авторам экспозиции хотелось показать, что в будущем корейцы смогут занять «еще большее место в соцстроительстве ЕвАО, нежели они занимают сейчас» и что «совершенно понятно поэтому, что корейцы напрягают все свои силы, чтобы не только не отстать в сфере культстроительства в ЕвАО от других национальностей, но, где возможно, и превзойти их»³¹. При этом экспозиционеры отмечали, что, несмотря на свою национальную идентичность, корейцы являются частью культурного макропространства ЕвАО: «растут и усиливаются среди корейцев интерес и стремление к изучению русского языка повсеместно, а иногда и языка еврейского»³².

Экспозиционеры хотели также создать обстановочную сцену «Изба в разрезе из колхоза “Труд” в Ине-Корейском», в которой должна была воплотиться вся настоящая картина корейского быта, где новые социалистические элементы уживаются с пережитками, нашедшими воплощение в повседневности разных поколений. Изба должна была на $\frac{3}{4}$ состоять из отапливаемой лежанки (кана), с которой собирались в будущем бороться как с пережитком. « $\frac{1}{4}$ избы занята немоощенным помещением с цементным глинобитным полом. Оно играет роль кухни. Очаг кана имеет 2 вмазанных котла для кипячения воды и варки пищи и заменяет печь»³³. У устья печи на стене должны были быть устроены 2–3 полки для хозяйственной утвари, вокруг по стенам — «столики для еды, ночной медный горшок для детей в углу, нож для рубки табаку, сложена вязанка дров и хворосту и соломы; снаружи могуте, кадка с водой, картофельная терка, лубочная плетенка, ковшики из тыквы, много медной и эмалированной посуды, блестящей, ярко вычищенной»³⁴. Стены над каном полагалось оклеить обоями, положить газеты: «Известия», «Московская Правда», «Авангард», «Тихоокеанская Звезда», «ББ Звезда», «Сталинское Слово» (Смидович), повесить портреты вождей: Ленина, Сталина, Ворошилова, Калинина, Блюхера, иллюстрации. На столе разместить Конституцию, а над

²⁹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 661. Л. 9.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 9–9 об.

³² Там же. Л. 15.

³³ Там же. Л. 16.

³⁴ Там же.

книжным шкафом — радиоприемник, важный элемент советского быта. На задней стороне кана — перегородка с двумя дверьми во внутренние маленькие комнатки: первая для отца и матери, вторая для сына и невестки: «В комнате стариков виден сундук с постелями, в комнате молодых — европейская постель. На одной подушке — вышивка “Райская жизнь”. У стариков подушки круглые. На стене висит европейская шляпа старика»³⁵. Над каном планировали повесить колыбель, однако, этот вариант был зачеркнут и заменен на «коляску для ребенка», видимо для того, чтобы подчеркнуть будущий прогрессивный образ жизни нового гражданина. У кана на глинобитном полу должны были стоять туфли, галоши, ботинки.

В избе, по задумке авторов, должна была предстать сцена семейной жизни старого и молодого поколения в колхозе. У очага должен был разместиться манекен старухи, одетой по-корейски и готовящей обед: она моет морскую капусту, рядом лежат рыба и нужная ей утварь. На ее ногах туфли или галоши. Видимо рядом с ней находится манекен девочки лет двенадцати, которая играет с мальчиком одного года «в рубашенке, в руках у него бубенчик». Девочка представляет собой школьницу, она одета в блузку и юбку, на ногах чулки (в первоначальной редакции она должна была предстать босой). Манекен старика, одетого по-корейски, предстал со «старой корейской книгой» в руках и трубкой с длинным мундштуком. У «библиотеки» за столик сидит манекен молодого корейца, одетого по-европейски, он читает «Основы ленинизма» Сталина. Молодая корейка шьет себе кофточку на швейной машине; она одета по-европейски и коротко подстрижена³⁶. В эту картину заложен предельно ясный посыл: все традиционное корейское — начиная от костюма и заканчивая старой книгой — остается на усмотрение старикам (хотя даже они уже надевают европейскую шляпу и галоши), новое поколение советских людей одевается в европейскую одежду, стрижется и читает Сталина. Дети этого нового поколения ходят в школу и спят в коляске. Разрыв с традиционным произошел, и ничто не напомнит о нем, кроме бубенчика в руках мальчика.

Судя по проекту экспозиции, авторы хотели сказать, что у корейских граждан будет счастливое советское будущее, побывав в ЕАО они констатировали, что «корейцы состоят служащими в Обисполкоме, Облоно, Облсуде, Горсовете, в торговых учреждениях, работают квалифицированными техниками, шоферами, механиками, машинистами, а стрелочник Хан на ст. Ин является орденосцем. Это заставляет признать за корейцами в ЕАО право на название крупной культурной силы, имеющей в будущем занять еще большее место в соцстроительстве ЕВАО, нежели они занимают сейчас»³⁷.

Однако, этого не произошло.

Корейское население в короткие сроки было переселено в Среднюю Азию, а их экспозиционная презентация как участников социалистического проекта ЕАО была запрещена. 10 марта 1939 г., спустя полтора года после трагических событий, экспозиция была открыта. На ней отсутствовали корейские, китайские, тунгусо-маньчжурские материалы. Тема интернационального показа была раскритикована, а дружбы народов — сведена к минимуму. Сами переселенные корейцы начали борьбу за выживание на территории Казахской и Узбекской ССР: всего 52 272 семьи³⁸. Вскоре к ним добавились корейцы из Астрахани, Москвы, Ухты, Тульской области, Охотска и Камчатки: всего — более

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 19 об.

³⁷ Там же. Л. 9–9 об.

³⁸ Бугай Н.Ф. Сталин — Л. Берии: «Их надо депортировать ...». М., 1992. С. 4.

173 000 человек. По результатам дискуссий 2 июля 1945 г. вышел указ о постановке их на учет как «спецпоселенцев»: «это привело к ужесточению режима проживания. В районах депортации создавались спецкомендатуры»³⁹.

Заключение

Т. Мартин в статье о происхождении советских этнических чисток цитирует путешественника и авантюриста Ф. Маклена, который во время рискованного путешествия по СССР стал свидетелем нескольких примеров переселения, в частности — корейцев: «В Алтайске мы остановились на несколько часов, когда к нашему поезду прицепили несколько вагонов для перевозки скота. Они были заполнены людьми, которые на первый взгляд казались китайцами. Оказалось, что это корейцы, которые со своими семьями и вещами направлялись с Дальнего Востока в Среднюю Азию, где их отправляли работать на хлопковых плантациях. Они понятия не имели, за что их депортируют, но все непрерывно улыбались, и я понял из нескольких слов, которыми я смог обменяться с некоторыми из их числа, что они были рады покинуть дальневосточную территорию, где условия были ужасными»⁴⁰.

В той же мере, что советские пограничники и работники НКВД занимались этнической чисткой территории, экспозиционеры ГМЭ проводили «чистку» экспозиции, чтобы националистический проект совмещения государственных границ с этническими мог быть осуществлен во всех своих формах. Еще незадолго до депортации советское государство всячески поддерживало корейское национальное самосознание: авторы экспозиции не зря предполагали подать корейскую культуру как одну из наиболее сильных и перспективных культурных сил региона. Школьные программы, книги и газеты, песни и театральные постановки на корейском языке в сочетании с советской идентичностью позволили создать новую группу советских корейцев — сорён-сарам. Однако, в 1937 г. эта «культурная сила» была выкорчевана из ЕАО. Т. Мартин считает это одним из самых поразительных парадоксов последних двух десятилетий правления Сталина: одновременное стремление к построению нации и ее уничтожению⁴¹.

Проект «корейской экспозиции» был по-настоящему уникальным: несмотря на то, что численность корейских поселенцев в ЕАО была относительно невелика, поражает количество обстановочных сцен, манекенов и плоскостного материала, которые были подготовлены для экспозиции. В то же время кажется интересным и лиминальное положение корейцев в этом показе: между передовыми еврейскими колонизаторами и советизированными аборигенами-эвенками, корейцев планировалось показывать как народ, не до конца изживший свой дореволюционный социальный порядок. На наш взгляд, несмотря на то что экспозиция так и не была построена, сама идея показа того или иного региона как места встречи разных этнических и социальных групп кажется важной и до сих пор актуальной.

Список литературы

Бугай Н.Ф. Сталин — Л. Берии: «Их надо депортировать ...». М.: Дружба народов, 1992. 288 с.

³⁹ Там же. С. 5.

⁴⁰ Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. № 4. P. 814.

⁴¹ Ibid. P. 816.

Иванов А. «Евреи в царской России и в СССР» — выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов // Новое литературное обозрение. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/evrei-v-czarskoj-rossii-i-v-sssr-vystavka-dostizhenij-evrejskogo-hozyajstvennogo-i-kulturnogo-stroitelstva-v-strane-sovetov.html> (Ссылка последний раз проверлась 16.11.2020).

Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. № 3. P. 389–412.

Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. № 4. P. 813–861.

References

Bugay, N.F. *Stalin—L. Berii: «Ih nado deportirovat' ...»* [Stalin to L. Beria: “They must be deported ...”]. Moscow: Druzhba narodov Press, 1992. 288 p. (In Rus.).

Ivanov, A. «Evrei v tsarskoj Rossii i v SSSR» — vystavka dostizhenij evrejskogo hozyajstvennogo i kulturnogo stroitelstva v Strane Sovetov [“Jews in Tsarist Russia and in the USSR” — an exhibition of the achievements of Jewish economic and cultural development in the Land of the Soviets], in *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2010. Vol. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/evrei-v-czarskoj-rossii-iv-sssr-vystavka-dostizhenij-evrejskogo-hozyajstvennogo-i-kulturnogo-stroitelstva-v-strane-sovetov.html> (last visit 16.11.2020). (In Rus.).

Gelb, M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans, in *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. № 3. P. 389–412.

Martin, T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing, in *The Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. № 4. P. 813–861.